

От составителя

Идея создания книги воспоминаний о Юрии Николаевиче возникла давно, может быть непосредственно после смерти композитора. Прежде всего потому, что хотелось задержать что-то в нашем материальном мире, что составляет образ творца, художника. Его произведения, его музыка, я уверена, где-то жила до того, как он познакомил с нею своих слушателей, и останется жить. Однако у музыки своя жизнь, не поддающаяся нашему влиянию, кроме воспроизведения, но это совсем другой путь. А человеческое, связанное с людьми, окружавшими композитора, проводившими с ним время, делившимися своими мыслями, планами, наконец, музицировавшими вместе с ним — уже сложившаяся данность, которая позволяет нам составить своеобразный «портрет» композитора, безусловно способствующий проникновению его музыки в сердца слушателей, образующий незримые связи с ней.

Так получилось, что за то время, пока идея вызревала и утверждалась, пока накапливался материал, некоторые предполагаемые респонденты ушли из жизни. Я с глубоким сожалением пишу о Валентине Звереве. Дружба с этим замечательным музыкантом связывала Юрия Николаевича долгие годы. Валентин Зверев был первым исполнителем сонаты для флейты и фортепиано и флейтового концерта Ю. Корнакова. Я думаю, что интересные воспоминания о Юрии Николаевиче мог бы оставить Олег Николаевич Хромушин. Очень часто Ю. Корнаков ездил вместе с Олегом Николаевичем в творческие поездки, проводил творческие встречи. О. Хромушин ушёл из жизни на четыре года раньше Юрия Николаевича. Неожиданно оборвалась жизнь поэта Александра Крюкова, на стихи которого Ю. Корнаков написал несколько детских песен. Вскоре после смерти Юрия с нами не стало Бориса Тищенко, Бориса Архимандритова, Георгия Фиртича. Этих композиторов связывали с Юрием Корнаковым и творческая дружба, и приятельские отношения.

В какое-то время я поддавалась пессимистическим настроениям насчёт неосуществимости задуманного, у меня опустились руки. Но случайно, как всегда случайно, я обнаружила в Юрином архиве адрес

Иды Асгатовны Губайдуллиной, педагога класса фортепиано в Новосибирской консерватории. Я знала из многочисленных рассказов Юрия об этом удивительном человеке, видела фотографии того периода, когда Юра учился в консерватории, они приведены в книге. Я написала письмо, адрес оказался устаревшим, но добрые люди переслали письмо по нужному адресу, и... получила ответ. А потом связалась по телефону с И. А. Губайдуллиной. В разговоре Ида Асгатовна сообщила, что всю свою жизнь писала дневники, которые никогда не издавала и не собиралась этого делать. Сохранились дневники новосибирского периода! Ида Асгатовна любезно согласилась предоставить мне их вместе с разрешением издать всё, что необходимо для книги о Ю. Корнакове. Итак, я получила бесценный материал! Даже при беглом знакомстве с текстом понятно, что их написал незаурядный человек, к тому же никем не ангажированный, написал очень добросовестно, объективно, насколько это возможно, ясным и точным литературным языком, не опуская подробные детали — это живое свидетельство жизни студентов и преподавателей только что созданной Новосибирской консерватории, наполненное неповторимым ароматом тех лет — конца 1950-х — 1960-х годов, — каким-то свежим ветром молодости.

Кроме того, очень важное было в этих дневниках — сохранённые Юрины письма, записки, такие тёплые, исполненные благодарности, доверчиво повествующие о первых успехах. Как будто бы я услышала его голос.

Я сопоставила эти дневники с материалом, который уже был собран, и почувствовала невероятную ответственность за каждое слово, написанное Юриными друзьями, учениками, исполнителями его произведений. Нужно сказать, что люди охотно, с радостью соглашались на интервью, отвечали на вопросы, присылали свои воспоминания, договаривались о встрече, легко и светло говорили о нём. Я бесконечно благодарна каждому автору этих воспоминаний.